

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-11

Политическая голограмма: анализ технологий и сценарии развития цифрового феномена

Сергей Николаевич ФЕДОРЧЕНКО

кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и права Московский государственный областной университет, 141014, ул. Веры Волошиной, д. 24, Мытищи, Российская Федерация
E-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6563-044X

ЦИТИРОВАНИЕ: Федорченко С.Н. (2020) Политическая голограмма: анализ технологий и сценарии развития цифрового феномена // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 212–228.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-11

Статья поступила в редакцию 25.02.2020.

АННОТАЦИЯ. Целью настоящей статьи является выявление технологий политической голограммы, а также попытка осмысления возможных сценариев развития данного малоизученного феномена. Основными методологическими приемами стали принципы сравнительного и контент-анализа. В статье дается определение политической голограммы, голографизации политики, а также периодизация эволюции технологий политической голограммы. Результаты проведенного исследования показывают, что внедрение голографических технологий в политике получает пока более значительное распространение у политических лидеров, чем у массовых гражданских движений и партий. Автором дается объяснение этому явлению. Выявлено, что голограмма в политике воплощается не только в ограниченных технологиях, но и обретает гораздо более разнообразные практические функции. При этом в работе даются три сценария дальнейшего развития политической голограм-

мы: радикальный, авторитарный и де-либеративный. Наконец, приводятся авторские соображения по поводу рисков и возможностей политических голограмм для развития коммуникации и демократии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая голограмма, цифровизация, популизм, голограмма, имидж, лидерство, голографизация политики, голографическая коммуникация

Введение

Голограмма – это восстановленный образ, проецируемый особым голографическим способом. Как инновационная технология, голограмма быстро привлекает внимание аудитории, сочетая эффект физического присутствия объекта и эффект неожиданности. В настоящее время специалистов чаще интересует именно трехмерный образ, хотя сама идея перенесения изображе-

ния на расстояние не нова и занимала умы мыслителей не одну тысячу лет. Поразительно, но человечество упорно экспериментировало с воспроизведением объемных изображений на протяжении всей своей истории. Если на практике это прекрасно видно от первых опытов первобытной наскальной живописи (российской Каповой пещеры на Урале, пещеры Альтамира Испании, Шове, Ласко во Франции) до античного, средневекового и современного искусства, то в концептуальном плане также прошла основательная эволюция – от образа пещеры, театрократии Платона и философии маски Бозеция до более развернутой теории симулякра Ж. Бодрийяра. Значительный вклад в осмысление этого феномена сделал итальянский философ и алхимик Джамбаттиста делла Порта в своем трактате «*Magiae naturalis*».

В последнее время принципы голограммы стремительно проникают в коммерческий сегмент, формируя готовый опыт для внедрения голографических технологий в политической сфере. Важной исследовательской проблемой является определение места и роли голограммы в современном политическом мире. Это не простой и не праздный вопрос, т. к. большинство инновационных технологий двойственны по своей результативности и значению для политического процесса: с одной стороны, цифровизация предлагает широкий спектр нового типа коммуникаций для развития делиберации, демократического режима и гражданского общества, но, с другой, становится стратегическим инструментом контроля общественного мнения со стороны корпоративных и политических интересантов, формируя риски создания гибких киберсимулякров тоталитарного типа.

Под политической голограммой в данной работе будет пониматься вид

3D-образа, передаваемого голографическим способом и используемого в интересах политического субъекта. Между тем распространение политической голограммы связано с цифровым обществом – его спутниковыми системами, оптическими, лазерными технологиями, виртуальной реальностью, искусственным интеллектом, дополненной реальностью и социальными медиа. Переосмысливая работы Л. Мановича, под цифровизацией можно понимать не простую оцифровку чего-либо, а процесс распространения [Манович 2017]: а) софта – программного обеспечения, способного копировать и изменять все что угодно (от смыслов до образов) и предполагающего соответствующие алгоритмы; б) адаптированных к этому софту интернет-платформ (динамично изменяющихся и обеспечивающих коммуникацию популярных социальных сетей, блогов, порталов электронного правительства и т. п.). Только тот, кто контролирует данный процесс цифровизации, способен максимально использовать функционал таких форм инновационных коммуникаций, как голограммы.

Исходя из такой постановки проблемы целью настоящей статьи будет выявление специфических технологий политической голограммы, а также попытка осмысления возможных сценариев развития данного малоизученного феномена. Основным научным методом станет сравнительный анализ кейсов политических голограмм, выявленных с помощью процедуры разведки и сопоставленных через процедуру инспекции – интерпретации и осмысления. Данные процедуры в свое время были предложены основателем Чикагской школы символического интеракционизма Г. Блумером. Вспомогательной методологической оптикой будут принципы количествен-

ного контент-анализа. Перед тем как приступить к сравнительному анализу, потребуется обратиться к научной литературе, посвященной этой непростою теме.

Обзор специализированной литературы

Следует особо подчеркнуть, что изучать голограмму в современных социальных науках ученые стали сравнительно недавно, поэтому до сих пор большинство авторов по данной теме являются представителями естественных наук. Термин «голограмма» в 1947 г. ввел в научный дискурс венгерский физик Д. Габор, при этом принцип конструирования голографического образа первым описал советский палеонтолог и писатель И.А. Ефремов. Кстати, академик Российской академии наук и один из основоположников голографии Ю.Н. Денисюк отмечал, что ему пригодился данный подход Ефремова. Позже способ восстановления образа в виде голограммы [Денисюк 1980] стал именоваться методом Денисюка. Затем появились исследования по голографическим фильмам советского ученого В.К. Комара, гипотеза вселенной-голограммы Г. Хоофта, работы британца Х. Хааса в области трансляции светодиодных голограмм, эксперименты по созданию воздушной голограммы М. Каманина, проекты лазерных и других голограмм. Все эти попытки естественных наук, конечно, не имели прямого отношения к политической, электоральной плоскости, однако они подготовили важную теоретико-технологическую основу возникновения политической голограммы, использующей не прежние принципы классического «Призрака Пеппера», а именно элементы цифрового преобразования и переда-

чи 3D-образа – софта, спутников и сетевых коммуникаций.

Термин *political holographic* применительно к политическим протестам и активизму в 2002 г. использовал в своей монографии [Kasulis 2002] профессор Т. Казулис. Затем появились работы, осмысливающие риски политических манипуляций через голографические приемы [Jung 2015]. Наконец, в 2008 г. была опубликована первая в строгом смысле политологическая работа, рассматривающая феномен «голографического государства». Этот *Holographic State* исследователи представляют как современного типа политический режим, означающий, по сути, суперкомпьютерную программу, конструирующую иллюзии противостояния с некими врагами и маскирующую экспертным дискурсом подлинные проблемы в обществе и политическую повестку [Witt, Haven-Smith 2008]. Вместе с тем такого рода голографическое государство, как и любой современный софт, все равно подвержено сбоям, «глюкам», которые способны вычислить лишь профессиональные программисты и противостоящие ему хакеры. Как видно, этот взгляд излишне технократичен по своей сути, но меньше уделяет внимания такому субъекту социальных отношений, как политическая элита. Сторонников этого подхода в меньшей степени волнует политическая голограмма как особая технология по передаче трехмерного образа в политических целях [Witt, Kouzmin 2010], вместо этого они предпочитают приравнивать любые манипуляции со стороны абстрактной элиты к режиму «голографического государства». Такого подхода недостаточно для комплексной концептуализации проблемы. Справедливости ради нужно заметить, что есть не только техно-пессимисты, но и техно-оптимисты, кото-

рые также сосредоточены на изучении перспектив голограммы для государства, однако, в отличие от первых, видят в голографических приемах хорошие возможности. Например, некоторые из них предлагают внедрение голограмм сенаторов США, представителей ООН и системы многофункционального голографического чата¹. Также есть предложения создания голографической системы для американского президента, который смог бы таким способом одновременно проводить до 10 встреч с главами разных стран. Эти идеи вполне адекватны в условиях пандемий, военной и террористической опасности.

Другая группа научных исследований политической голограммы появилась сравнительно недавно. Она посвящена уже не ловким манипуляциям со стороны политического режима, а наоборот, ответной реакции гражданских активистов и оппозиции. Особенно ученых заинтересовало применение голограмм во время гражданских выступлений в Испании 2015 г. Авторы считают эти голограммы более функциональным средством привлечения общественности к проблемам демократии испанского государства [López 2016], т. к. традиционные формы считаются самими гражданами рутинными и недейственными. Голографический протест заставляет пересматривать смысл всех предыдущих форм политических движений, которые основывались на обязательных принципах темпоральности и физического захвата пространства недовольными. По мнению отдельных ученых, голограммы как технические

посредники разрушают «пространство и время» политики [Sheean 2018]. Другие исследователи рассматривают голограммы политических протестов как особую «спектральную субъектность»² – частичное самоотрицание граждан, освобождение от субъектности для ухода от гегемонии власти, притесняющей их права.

Наконец, в последнее время намечилось и третье направление изучения голограммы в рамках явления политического лидерства. Так, авторы коллективной монографии, опубликованной издательством Оксфорда, рассматривают голограмму как одну из технологий современного hi-tech популизма [Kaltwasser, Taggart, Espejo, Ostigu 2017]. Больше всего этот термин исследователи применяют к современной популистской политике в Индии [Zain 2019], где новейшие средства коммуникации дают возможность политикам знакомить широкие слои населения со своими идеями и месседжами. Популистские лидеры посредством голограмм, как правило, рекламируют и бренды политических партий, выдвигающих их на выборы.

Сравнительный анализ кейсов

Краткий анализ научной литературы позволяет выделить две основные технологии политической голограммы – имидж-позиционирование политических лидеров и позиционирование гражданских политических мероприятий. Есть, конечно, и третья технология – бренд-позиционирование политических партий, однако она, как пра-

1 Winslow L. (2007) Holographic Projection Technologies of the Future // World Think Tank // <http://www.worldthinktank.net/pdfs/holographictechnologies.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

2 Boletsi M. (2018) Towards a Visual Middle Voice: Crisis, Dispossession and Spectrality in Spain's Hologram Protest // https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/71035/Visual_middle_voice_oein_Komparatistiekoe.pdf?sequence=1, дата обращения 20.05.2020.

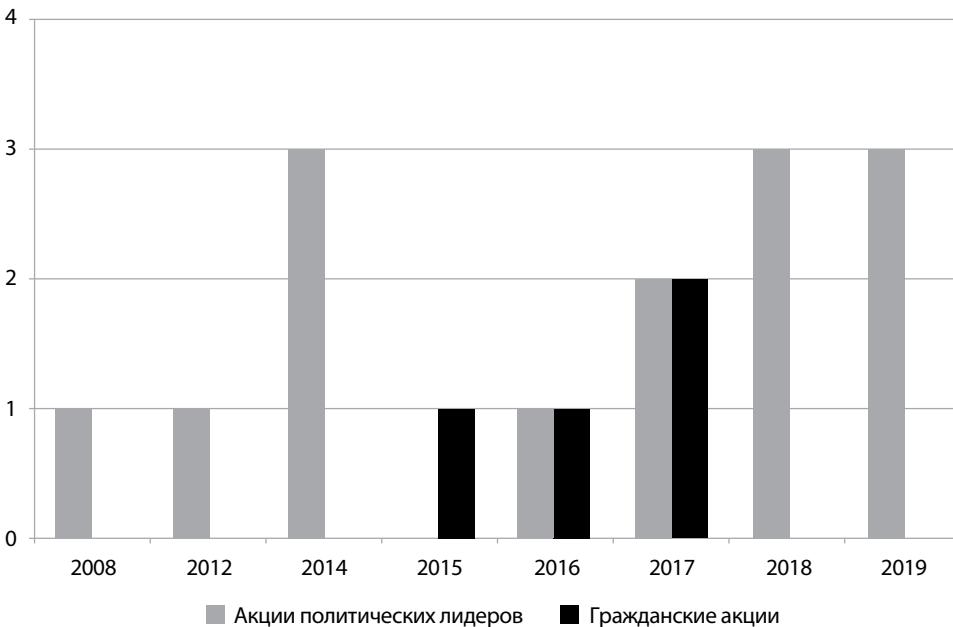
вило, пока не так распространена и является, скорее, сопутствующим элементом формирования имиджевой конструкции политического лидера. Голографическое бренд-позиционирование государства и парламента, о чем так грезили техно-оптимисты, пока также не получило своего развития.

Как показано на диаграмме, количественный контент-анализ случаев применения голограммы в политических целях отчетливо свидетельствует, что пока доминирующее значение сохраняет технология имидж-позиционирования политических лидеров. Данный анализ учитывает лишь голограммы живых политических лидеров, т. к. были прецеденты использования образов неживых политиков. Например, в 2018 г. появилась голограмма экс-президента Израиля Шимона Переса, презентовавшая откры-

тие израильского инновационного центра. В том же году в Президентской библиотеке Рональда Рейгана транслировалось его голографическое изображение. Насколько этичным является подобного рода использование голограммы – вопрос серьезный и заслуживает отдельного обсуждения.

В 2008 г. в Соединенных Штатах была предпринята одна из первых попыток применить голограмму во время президентской гонки, однако электорат не отнесся к этому с большим доверием. Уже в 2012 г. индийский политик Н. Моди (партия БДП), участвуя на выборах в местную легислатуру Гуджарата, использовал свыше полусотни своих голографических изображений, направленных в массы. Спутниковая связь и светодиодные техники были задействованы Моди и во время парламентских выборов в 2014 г., когда ему

Рисунок 1. Применение технологий политической голограммы
Figure 1. The Use of Technologies of Political Holograms

технологическую и консультационную помощь оказывала британская фирма Musion³. Было создано около 1500 голографических выступлений политика. Одно выступление позволяло охватить до десяти тысяч избирателей, что весьма актуально для густонаселенной Индии. Политик из другой индийской партии Nationalist Congress Party А. Павар также прибегнул к схожему приему. Очевидцы отмечали, что некоторые избиратели не верили, что перед ними выступала голограмма, а не сам политик. Вполне возможно, что это можно отнести на счет низкой грамотности населения некоторых штатов данной страны.

Премьер-министр Турции Р. Эрдоган, не успевая выступить в Измире перед муниципальными выборами в 2014 г., когда нужно было снизить накал от коррупционного скандала, решил на свою голограмму, которую эффективно транслировали в том же году. Итальянский политический популист и комик Дж. Грилло провел свои голографические шоу Grillo vs. Grillo в Милане и Риме в 2016 г. Следующий год ознаменовался голографическими акциями Ж.-Л. Меланшона, лидера «Непокоренной Франции», одновременно показанными в нескольких городах в период французских президентских выборов. Тогда же в Пакистане появилась голограмма лидера партии ПНП Б. Заради, опасавшегося за свою жизнь. 2018 год был особенно богат на голограммы политических лидеров. Это голографическое изображение кандидата в президенты В.В. Путина в России, новозеландского премьер-министра Дж. Ар-

дерн (не успевавшей на встречу) и нидерландского политика из Социалистической партии Л. Марийниссен. В 2019 г. голограммы применили кандидат в президенты Индонезии Д. Видодо и действующий президент ЮАР С. Рамафоса.

Тогда как голографические политические акции граждан серьезно уступают голограммам политических лидеров по количественным показателям, наибольший резонанс, в первую очередь, вызвали политические голограммы протестующих в Испании в 2015 г. Активисты были недовольны предложенным властями ужесточением законодательства, предполагающим систему штрафов и наказаний для обеспечения порядка [López 2016]. Недовольные сделали специальный портал, где испанцы могли оставить свои изображения и голосовые записи для конструирования массового голографического шествия. Схожие причины спровоцировали голографические акции в Южной Корее. Организация Amnesty International in Korea стала инициатором голографических протестов в Сеуле в 2016 г., когда усилилась критика президента, коррупции, клановости и нарушений демократических свобод.

В 2017 г. голографические политизированные акции прошли в двух странах – Канаде и США. В первом случае организатором был Green Pease, а во втором инициатором стал пакистанский эмигрант А.Дж. Малик, запустивший проект Holograms from Syria с целью привлечения внимания широкой общественности к бедствиям сирийской гражданской войны⁴. К примеру, он показывает голографические изо-

3 Sonwalkar P. (2014) How London Techies Helped Modi Create Campaign Buzz // Hindustan Times, May 25, 2014 // <https://www.hindustantimes.com/india/how-london-techies-helped-modi-create-campaign-buzz/story-qylwywmPnsRg3YohLrBgL.html>, дата обращения 20.05.2020.

4 Holograms from Syria Reveals the Horrors of War to the Average American (2017) // Design Indaba, August 8, 2017 // <https://www.designindaba.com/articles/creative-work/holograms-syria-reveals-horrors-war-average-american>, дата обращения 20.05.2020.

бражения солдат, детей, жертв войны в Сирии среди привычных для американцев мест. Пока это всего лишь концептуальный проект, доступный обладателям специальных голографических очков HoloLens. Очки разработаны Microsoft, представляют собой автономную систему – специальный обруч с тонированными линзами, не требующий подключения к смартфону, персональному компьютеру или игровой консоли. Художник-активист надеется, что когда голографическая технология станет массовой и доступной, такие как он смогут создавать аналогичные проекты повсеместно.

Важно отметить одну черту, сближающую практику применения голографических технологий: факт появления политических голограмм во Франции, Нидерландах, Пакистане и ЮАР активно освящался в социальной сети Twitter. Вероятно, что трансляция голографического образа дает намного больший эффект, если сведения о ней распространяются «вирусным» путем через современные социальные медиа. Тем самым возникает любопытный эффект фасцинации – усиления влияния голографического месседжа на электроальное поведение (данный феномен одним из первых стал анализировать Ю.В. Кнорозов, основатель советской школы майянистики).

Периодизация голографизации политики предполагает несколько хронологических этапов в развитии данного феномена: а) дополитический период; б) период возникновения голограмм политических лидеров; в) период распространения голограмм массовых политических акций. Дополитический период включает не только всю предшествующую летопись накопления знания в области голографии, но и эксперименты по внедрению голограммы в коммерческую рекламу и практики шоу-бизнеса. С 2008 г. свой услов-

ный отсчет начинает второй этап – распространение голографических образов политических лидеров (неудачная, но все же первая попытка в Соединенных Штатах). Третий этап фиксируется с 2015 г., когда появились первые голограммы массовых политических акций в Мадриде. По мере накопления новых кейсов практики технологий не исключено, что исследователи смогут продолжить эту своеобразную хронологию применения политических голограмм.

Попытка интерпретации, сценарии и выводы

Интерпретация цифрового феномена политической голограммы вполне возможна при условии переосмысления некоторых теоретических моделей, связанных в основном с интерпретацией коммуникационных процессов. Для начала нужно отделить процесс голографизации политики от самого его результата – политической голограммы. Если под голографизацией политической жизни обозначить процесс внедрения 3D-технологий, ориентированных на максимальное приближение виртуальных политических образов к их реальным прототипам в рамках модели фиджитал-мира, то *под политической голограммой логично понимать вид трехмерного голографического изображения, использующегося с помощью коммуникационных приемов в целях политического субъекта*. Голопортация (holoportation) же является более конкретным приемом 3D-захвата образов, переносящим трехмерные изображения куда угодно. Как отмечал Ж. Бодрийяр, голограмма – это трехмерный симулякр, который полностью сливается со своим двойником и сопровождается эффектом материализации в пространстве [Бодрийяр 2018]. Именно на этот поражающий воображение эффект

и рассчитывают политические интересы, как в свое время рассчитывали на радио, телевидение и Интернет. В настоящее время можно говорить о появлении трех типов технологий политической голопортации: а) практики имидж-позиционирования политического лидера; б) позиционирования политических акций граждан; в) наметившиеся приемы бренд-позиционирования политических партий. В целом технологии политической голограммы не зародились на пустом месте, а имели своих предшественников в виде голографических экспериментов в шоу-бизнесе и коммерческой рекламе.

Полученный эмпирический результат сравнения выявленных кейсов использования политических голограмм позволяет сделать осторожный, но все же промежуточный вывод: внедрение голографических технологий в политике имеет пока большее распространение у политических лидеров, чем у массовых гражданских движений и партий. Как можно объяснить этот тренд? Вполне очевидно, что специфика трехмерного голографического изображения наиболее подходит для конструирования виртуального имиджа современного политика. Но наиболее значимым фактором является недоступность голографических средств коммуникации для большинства граждан: разработка, покупка/аренда, грамотная эксплуатация оборудования, трансляция голограммы посредством спутниковой сети и сетевых коммуникаций требует существенных затрат и профессиональной подготовки. Из-за этого возможность монополизации средств голографической коммуникации сохраняется лишь у ограниченно числа политических акторов: государства, групп элиты и связанных с ними политических лидеров и правящих партий. И если оппозиционные партии и политики могут лишь эпизодиче-

ски претендовать на практическую политическую голограмму во время предвыборной борьбы за электорат исходя из своих финансовых ресурсов, то граждане и их группы практически исключены из этого инновационного поля.

Возникает «технологический пережест», когда новая технология вместо того, чтобы способствовать развитию гражданской коммуникации и демократическому процессу, становится инструментом по манипулированию массовым сознанием со стороны псевдодемократических либо во все антидемократических сил. Ключевую роль в этом играет популизм, получивший распространение во многих современных государствах. Шоувизация, скандализация политики и эффект селебрити отчасти способствуют распространению практик популизма, концентрируя внимание не только традиционных, но и новых масс-медиа на фигурах политических лидеров, обладающими телегеничностью и ярко выраженной артистической моделью поведения. Популист не придерживается конкретных программных задач и идеологических ориентиров, фокусируясь на его активности повышает рейтинги телеканалов и увеличивает интернет-трафик, позволяя заработать интернет-компаниям.

Кардинальным вызовом для современных граждан, обществ и политических режимов является такое последствие «технологического пережеста», как конструирование особых киберсимулякров [Володенков 2014]. Исследователи отмечают среди их признаков ложную личность, а также несуществующую историю этой личности. Потенциально возможная массовая политическая голопортация может самым негативным, манипулятивным способом воздействовать на политическое поведение [Володенков 2018] участников голографического чата, управляя их на-

строениями посредством специальных цифровых аватаров. Скорее всего, по этой причине понадобится внедрение встречных технологий, защищающих процесс политической коммуникации от манипулятивного вмешательства (такого рода эксперименты, к примеру, уже проводились на основе принципов блокчейн [Алексеев 2019]). Цифровой аватар, как необходимый пользователь для оптимальной сетевой коммуникации информационный двойник, требует повышенной безопасности конфиденциальных данных.

Активизацию популизма в современной политике, в т. ч. голографического формата, можно связать с феноменом так называемой медиакратии. Особенности медиаориентированной демократии отмечают как зарубежные, так и отечественные специалисты. В широком смысле медиакратия – это важный сдвиг демократии в формате медиapolитического процесса, который означает слияние масс-медиа и политических акторов в сфере коммуникации и интересов [Bodrunova 2010].

Существует интересное мнение, объясняющее «медиакратический дрейф демократии». Так, если раньше функционировал треугольник власти из общества, политических партий и государства, то после развития медиа и медиакорпораций он сменился на другой треугольник власти из высших должностных лиц, медиа и популистских стратегий [Meyer 2001]. Есть этимологическая трактовка медиакратии, согласно которой медиа являются основным и автономным игроком современной публичной среды, формируя жесткую связку с массовой аудиторией. Агенты медиа вытесняют своими медиаэффектами саму политику из сегмента принятия решений и даже могут подрывать легитимность политического режима. Помимо этимологического, существует маркетинговый подход

к медиакратии, когда влияние медиа на публичную, в т. ч. политическую, сферу признается лишь в ограниченных случаях, обусловленных определенными причинами и условиями [Бодрунова 2012]. Иными словами, медиа как посредник могут оказывать воздействие на мнение граждан в случае совпадения позиций медийных акторов с ожиданиями самой аудитории. Практис политической голограммы пока сложно объяснить с точки зрения этимологической модели медиакратии, т. к. на 2020 г. еще: а) не возник обширный конкурентный рынок голографических услуг; б) не появилась доступная и дешевая для граждан форма коммуникации в виде голографического чата. Вот почему маркетинговая модель медиакратии на данном этапе позволяет лучше осмыслить голографические приемы, используемые политическими лидерами.

Сетевые коммуникации и тренды глобализации обеспечивают паттернам «общества спектакля», описанным еще Ги Дебором, сравнительно легкое преодоление государственных границ. Безусловно, опасность популизма кроется в его симуляции демократического процесса. Некоторые исследователи склоняются к мнению, что популизм – это готовый фрейм, помогающий гражданам понимать в плотном потоке новостей сложную информацию [Aslanidis 2016]. Политика профанируется – критичный и ответственный по отношению к государственным делам гражданин, по сути, заменяется потребителем (консьюмером). На деле в своем популистском варианте политическая голограмма обладает признаком симулякра, когда власть, согласно Бодрийяру, превращается в предмет общественного спроса и зависит от массового потребления образов.

Однако политическую голограмму, несмотря на ее приватизацию популистами, было бы совсем неверно соот-

носить с популизмом как таковым. Голограмма в политике обретает сугубо практические функции. Среди них можно выделить следующие:

- повышение узнаваемости политического лидера (кейсы Ж.-Л. Меланшона, А. Павара) и партии в электоральной среде;
- быстрое распространение политического месседжа в густонаселенных либо отдаленных территориях (кейсы Н. Модии, Л. Марийниссен, Ж.-Л. Меланшона, Д. Видодо, Дж. Ардерн);
- вакцинация имиджа политического лидера с целью предотвращения его негативизации со стороны оппозиции (кейсы Н. Модии, Р. Эрдогана, С. Рамафосы);
- привлечение внимания к политически значимым для граждан проблемам – экологическим, военным и т. п. в виде немассовых, одиночных, перформативных акций (кейсы Канады, США);
- презентация массовых политических акций (кейсы Испании, Южной Кореи);
- обеспечение физической безопасности политического лидера в условиях рисков покушения на его жизнь (кейс Б. Заради);
- мобильная голографическая консультация по разным вопросам (прецедент уже есть в американской армии).

Иными словами, технологий политической голопортации пока лишь три, но функций у политической голограммы как таковой намного больше за счет разнообразия и усложнения лидерских и гражданских голографических акций. И все же этот перечень содержит лишь известные проявления политической голограммы. Естественно, при соответствующих экономических предпосылках, технологическом развитии и соци-

альном запросе вполне реально ожидать расширение функциональности голограммы в политике: распространение коммуникационных приемов гражданского голографического чата на базе мобильных технологий, внедрении государственных голографических приемных для граждан на основе электронного правительства и искусственного интеллекта, бренд-позиционирования сетевых политических партий, организации голографических сессий парламента, представителей разных стран, международных организаций, дипломатических миссий и т. п.

Политическая голограмма – довольно инновационная технология, но в ее судьбе просматривается, прежде всего, три сценария: 1) радикальный; 2) авторитарный; 3) делиберативный. Рассмотрим их по отдельности более подробно.

Радикализация социальных отношений при цифровизации способна возникнуть в случае совпадения крайне неблагоприятных, но весьма вероятных условий: а) формирование новых сегментов экономики, предполагающих масштабную автоматизацию, сопутствующую безработицу, встречную реакцию социальной дифференциации и цифрового луддизма; б) вмешательство зарубежных и транснациональных политических акторов в суверенные дела страны посредством глобализации экономических отношений; в) использование радикальными популистами и деструктивной оппозицией голографических приемов для организации привлекающих внимание акций. Этот сценарий возможен при односторонней ставке политического режима на технологизацию общества без сопутствующего конструирования гражданских идентичностей общенационального уровня. Компрадорский вариант политической элиты, ценностно не связанный с политической культурой на-

селения, способен усугубить ситуацию и привести к делегитимации власти. Группы радикалов, скорее, воспользуются такого рода ситуацией, привлекая внимание общественности яркими мобильными голографическими акциями, организованными сетевым способом с тактическими задачами – во избежание привлечения к ответственности оперативными правоохранительными силами. По сути, в радикальном сценарии сохраняет свою силу популистская природа голографической акции – массовой или персональной. Основной же стратегической целью радикалов здесь может стать перехват политической повестки. Власти, конечно, будут стараться пресекать такого рода технологии, пытаясь обрести монопольное право на политическую голограмму, однако в ответ будет возникать нелегальный рынок предоставления голографических услуг. Не стоит сбрасывать со счетов и фактор политических хакеров, а также шифропанков Даркнета с либертарианской идеологией.

Авторитарный сценарий эволюции голограммы потенциально возможен в виде ответа представителей режима на радикализацию социальных отношений. Очевидно, при этом варианте политический режим той или иной страны будет: а) пытаться добиться монопольного права в использовании голографических технологий; б) использовать голограммы в силу их эмоционально-манипулятивных возможностей воздействия на общественное сознание. Обеспечить такой порядок власти на деле смогут законодательными, административными и финансовыми средствами. Режиму, переживающему за свою легитимность, совсем не обязательно отказываться от технологического прогресса (ведь тогда плодами цифровизации воспользуются его противники). Он вполне может добиться зависимости от себя голографической IT-индустрии и IT-

бизнеса, приобретая их акции напрямую или через зависимых посредников, а также предлагая протекционистские меры (налоговые послабления, льготы, помощь относительно потенциальных конкурентов). Авторитаризация режима может формироваться постепенно. Сценарий *Holographic Regime* опасен для граждан в основном рисками создания киберсимулякров. Голограммы при авторитарном сценарии будут использоваться политическими акторами – главами государств, правящими партиями и их лидерами с целями: а) контролирования политической повестки; б) недопущения оппозиции к передовым технологиям имидж-позиционирования; в) обеспечения физической безопасности во время проведения массовых политических акций при сохранении эффекта «присутствия». Несмотря на различия, сходство между авторитарным и радикальным сценариями можно усмотреть в популистском характере использования голографических технологий. Главная задача акторов этих сценариев – максимально быстро привлечь внимание как можно большего числа представителей аудитории. Несомненно, популистские лидеры целенаправленно берут на вооружение чрезвычайно широкий диапазон политических тем, возможно, по этой причине ряд авторов [Gagnon, Beausoleil et al. 2018] выделяют весьма специфические виды современного популизма: авторитарный, либертарианский, ксенофобский, ностальгический, антиплюралистский и электро-рациональный.

Делиберативный сценарий означает развитие политической голограммы в сторону ее адаптации под задачи активного гражданского дискурса в условиях цифровизации традиционных форм политической коммуникации. Но здесь важно совпадение несколько взаимодополняемых условий, без которых делиберация невозможна. В первую очередь,

это распространение гражданских дискурсивных практик, ориентированных на решение существующих задач, нерешаемых властью. Данный вопрос связан с непростой проблемой формирования определенного типа политической культуры (часто называемой партисипативной), которая не возникнет в отрыве от фундаментальных экономических метаморфоз в обществе. В принципе, под такими преобразованиями уже можно наблюдать формирование цифровых сегментов экономик стран, а также соответствующих сфер занятости и профессий. Цифровизация экономики может переструктурировать имеющуюся социальную систему и подвергнуть ревизии так называемый классовый консенсус [Хабермас 2010], описанный Ю. Хабермасом. Авторитарные процедуры не всегда способны предотвратить далеко зашедшую эрозию «классового консенсуса» в скатывание к радикальному сценарию развития общества. Поэтому современный политический режим должен двигаться дальше и по-иному использовать преимущества цифровизации для своей же легитимации. Парадоксально, но для серьезных делиберативных процессов также нужны новые социальные группы, способные заявить свои права посредством массового голографического чата. Следовательно, цифровизация экономики и общества должна предполагать: а) конструирование сети институционализированных арен, посредством которых население может получить возможность не просто дискутировать по основным вопросам через те же голографические коммуникации, но и влиять на политические решения власти; б) параллельное политическое просвещение населения, нацеленное на формирование фигуры ответственного за судьбу своей страны и места жительства гражданина, а не обычного потребителя политических образов и месседжей. Система образования

должна в этих условиях предполагать: а) повышение медиаграмотности населения в условиях медиакратии; б) знакомство всех поколений с механизмом техник манипуляции, мифологизации, обучение приемам их деконструкции и противодействия им; в) обучение граждан техникам делиберации. Другими словами, популизму не должно остаться места при делиберативном сценарии. Медиакратические преимущества могут послужить и для граждан.

Подводя итоги, важно отметить несколько принципиальных соображений. Можно более рельефно очертить специфические особенности политической голограммы, выделяющие ее относительно технологических и коммуникационных приемов, раньше проникших в политико-управленческий праксис.

Во-первых, необходимо подчеркнуть трехмерность данного феномена. Голографические приемы уникальны тем, что в отличие от радио, телевидения способны сравнительно быстро транслировать трехмерный образ в любую точку пространства. Политический субъект (партия, лидер, правительство) может донести свой 3D-образ одновременно в различные места. Несомненно, важное значение имеет и эффект присутствия, реалистичности.

Во-вторых, голограмма в качестве транслятора трехмерного политического образа обладает важными преимуществами: помехоустойчивостью, возможностью передачи более разнообразных цветовых контрастов – что важно для создания разнообразных политических технологий.

В-третьих, голограмма имеет высокий уровень фасцинации, поэтому при условии активного развития голографического чата может спровоцировать определенный переворот в публичной политике. Голограмма в мультимедийном плане аккумулирует практически все приемы известных медиа

(аудиоэффекты – берет от радио, передачу образа – от кинематографа и телевидения, сетевые практики – от порталов и сетевых медиа), дополнительно усиливая их эффекты воздействия на аудиторию (фасцинация) своим уникальным форматом (трехмерностью). Раньше ученые акцентировали внимание на так называемой *body politics* [Brown, Gershon 2017], утверждая, что человеческое тело логично рассматривать как ключевой элемент для анализа особенности политической власти (большое значение этому фактору уделял, к примеру, М. Фуко). Но голограмма по сравнению с радио и телевидением еще больше стирает грань между реальной и виртуальной областью политики (в политической голографической акции просто нет тел).

В-четвертых, голографические принципы во многом преодолевают технологические пределы телевидения – бесконечно увеличивать разрешение экрана пока нельзя (4К, 8К). Отсюда большой перспективой в политическом пространстве будущего обладает чрезвычайно четкое, объемное, многокурсное голографическое телевидение. Следовательно, те акторы, которые быстрее всего освоят приемы голографического чата и телевидения, получат важные политико-управленческие рычаги над обществом в условиях развивающейся медиакратии.

В настоящее время наблюдается определенная диспропорция в практике политической голопортации в сторону преобладания лидерских трехмерных изображений. Во многом это можно объяснить эффектом «технологического перехлеста», феноменом популизма и дороговизной голографической коммуникации. Массовое распространение популизма не только обусловлено развитием традиционных и новых медиа, чьи задачи больше подчинены расширению клиентской ба-

зы и максимизации прибыли. Эволюция демократии в сторону медиакратии привела к тесному переплетению интересов медийных и политических акторов. В этих условиях политики и партии вынуждены подчиняться принципам медиалогии, иначе они останутся за бортом актуальной публичной повестки. Гражданин подменяется потребителем ярких и запоминающихся образов, ответственность за дела государства – элементами политического шоу. Такое профанирование и примитивизация политического в свою очередь закладывает определенные риски для развития современного гражданского общества и его демократических традиций в будущем.

Для делиберации важен не только социальный, но и технологический уровень трансформации, как минимум в плане массового внедрения дешевого голографического чата. Иначе не появится хабермасовского вовлечения в политическое, возникнет цифровой разрыв между социальными группами, и, как следствие, феномен цифрового неравенства. Быть может, потребуются создание такой цифровой платформы для голографического чата, которая воплотила бы в себе принципы коммуникационной модели Ю. Хабермаса: а) принцип «D» (только те нормы могут стать действенными, которые будут иметь прямое отношение к участниками дискурса, а также одобряться ими); б) принцип «U» (нормы станут действенными тогда, когда удасться в универсальном плане избежать элементов принуждения) [Хабермас 2008]. Как справедливо отмечает Л. Манович, цифровизация всецело зависит от программируемого софта. Проблема заключается в том, что алгоритмы этих цифровых платформ недоступны для пользователя. Их настройка – в руках производителя. Политическая, финансовая зависимость владельцев цифро-

вых платформ ставит фундаментальный вопрос формирования объективных механизмов общественного контроля над коммуникационными процессами.

Удешевление же голографической технологии отвечает задачам создания сети гражданской коммуникации на базе мобильных технологий. Массовый голографический чат принципиально важен для организации арен обсуждения гражданских вопросов на уровне дома, местного самоуправления, региона и всей страны. Принципы голографического чата уже существуют на базе канадских разработок (Университет Куинс) TeleHuman и TeleHuman-2 – первых в мире голографических систем для проведения видеоконференций, помогающих желающим появляться в виде голограмм в любом месте в натуральную величину без специальных 3D-очков. Первые опыты в создании гражданского голографического чата открывают ранее недоступные или малодоступные потенциалы для политической коммуникации: проксемику (действие знаковых систем в личном, персональном пространстве человека), разнообразные приемы жестикуляции, мимики и зрительного контакта. Кстати, Facetime, Zoom и Skype никогда не достигали такого уровня возможностей политической коммуникации. Принцип face to face в делиберативном воплощении способен стать не киберсимулякром, а в определенном смысле устранить барьеры между политиком, чиновником, партией и гражданином в режиме «здесь и сейчас».

Попытка периодизации технологической голопортации показала, что первый этап практического внедрения теоретических разработок в области голографии предполагал все же коммерческий и шоу-сегмент. Поэтому дальнейших качественных сдвигов в области политической голограммы, веро-

ятно, следует ждать от характера уже складывающегося рынка частных голографических компаний. Некоторые из них уже предлагают самые разные трюки для магазинов, музеев, кинотеатров, выступлений политических лидеров и организации политических митингов. Не стоит забывать и о юридической плоскости новых технологий борьбы за электорат. Создание дешевого голографического аватара потребует защиты цифрового аватара, более жестких приемов персональной авторизации, иначе возникает основательная угроза повсеместного распространения киберсимулякром – голографических двойников с вымышленной историей жизни и практикой социальной коммуникации. Пока же политическая голограмма как цифровой аватар политического лидера, партии либо демонстрантов является прямым доказательством того, что законодательство стран часто отстает от внедрения инновационных практик.

Список литературы

- Алексеев Р.А. (2019) Апробация технологии блокчейн на выборах в Московскую городскую думу в 2019 г.: результаты и перспективы применения для федерального избирательного процесса // Журнал политических исследований. Т. 3. № 4. С. 12–23 // <https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/44073>, дата обращения 20.05.2020.
- Бодрийяр Ж. (2018) Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ.
- Бодрунова С.С. (2012) Медиакратия: современные подходы к определению термина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. № 3. С. 203–215 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18036953_39596841.pdf, дата обращения 20.05.2020.

Володенков С.В. (2014) Киберсимулякры как инструмент виртуализации современной массовой политической коммуникации // Информационные войны. № 4(32). С. 18–21 // <http://pstmprint.ru/wp-content/uploads/2016/11/INFW-4-2014-3.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Володенков С.В. (2018) Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций // Журнал политических исследований. Т. 2. № 3. С. 1–8 // <https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/25624>, дата обращения 20.05.2020.

Денисюк Ю.Н. (1980) Голография и ее перспективы // Журнал прикладной спектроскопии. Т. 33. № 3. С. 397–414.

Манович Л. (2017) Теории софтультуры. Нижний Новгород: Красная ласточка.

Хабермас Ю. (2008) Вовлечение другого. Очерки политической теории. 2-е изд. СПб.: Наука.

Хабермас Ю. (2010) Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис.

Aslanidis P. (2016) Is Populism an Ideology? A Refutation and a New Perspective // Political Studies, vol. 64, no 1, pp. 88–104. DOI: 10.1111/1467-9248.12224

Bodrunova S. (2010) Mediocracy or Mediademocracy? On Some Conceptual Approaches to the Interaction of Journalism and Politics in Established Democracies // CGES Working Paper Series. WP 2010–07, Bielefeld – St. Petersburg.

Brown N., Gershon S.A. (2017) Body Politics // Politics, Groups, and Identities, vol. 5, no 1, pp. 1–3. DOI: 10.1080/21565503.2016.1276022

Gagnon J.-P., Beausoleil E., Son K.-M., Arguelles C., Chalaye P., Johnston C.N. (2018) What Is Populism? Who Is the Populist? // Democratic Theory, vol. 5, no 2, pp. vi–xxvi. DOI: 10.3167/dt.2018.050201

Jung J. (2015) Politics of Holograms and the Human Body in William Gib-

son's Neuromancer // The Journal of Literature and Film, vol. 16, no 3, pp. 561–584 // http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE06589954&nodeId=NODE06589954&language=ko_KR, дата обращения 20.05.2020.

Kaltwasser C.R., Taggart P.A., Espejo P.O., Ostiguy P. (eds.) (2017) The Oxford Handbook of Populism, Oxford: Oxford University Press.

Kasulis Th.P. (2002) Intimacy or Integrity: Philosophy and Cultural Difference, Honolulu: University of Hawaii Press.

López A.E. (2016) Invisible Participation: The Hologram Protest in Spain // Afterimage: The Journal of Media Arts and Cultural Criticism, vol. 43, no 4, pp. 8–11. DOI: 10.1525/aft.2016.43.4.8

Meyer T. (2001) Mediokratie: Die Kolonisierung der Politik durch die Medien, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Sheean J. (2018) A (New) Specter Haunts Europe: The Political Legibility of Spain's Hologram Protests // Journal of Spanish Cultural Studies, vol. 19, no 4, pp. 465–480. DOI: 10.1080/14636204.2018.1524995

Witt M.T., Haven-Smith L. de (2008) Conjuring the Holographic State: Scripting Security Doctrine for a (New) World of Disorder // Administration & Society, vol. 40, no 6, pp. 547–585. DOI: 10.1177/0095399708321682

Witt M.T., Kouzmin A. (2010) Sense Making Under “Holographic” Conditions: Framing SCAD Research // American Behavioral Scientist, vol. 53, no 6, pp. 921–939. DOI: 10.1177/0002764209353272

Zain A. (2019) Rise of Modi's Technopopulism in India // Journal of Cultural Studies, vol. 6, no 1, pp. 199–208 // https://www.researchgate.net/profile/Ali_Zain15/publication/334114323_RISE_OF_MODI'S_TECH-POPULISM_IN_INDIA/links/5d17abf6458515c11c02b5da/RISE-OF-MODIS-TECH-POPULISM-IN-INDIA.pdf, дата обращения 20.05.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-11

Political Hologram: Technology Analysis and Scenarios for the Development of the Digital Phenomenon

Sergei N. FEDORCHENKO

PhD in Politics, Professor of the Department of Political Science and Law
Moscow Region State University, 141014, Vera Voloshina St., 24, Mytishchi, Russian Federation

E-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6563-044X

CITATION: Fedorchenko S.N. (2020) Political Hologram: Technology Analysis and Scenarios for the Development of the Digital Phenomenon. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 212–228 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-11

Received: 25.02.2020.

ABSTRACT. *The purpose of this article is to identify the technology of political holograms, as well as an attempt to comprehend possible scenarios for the development of this little-studied phenomenon. The main methodological techniques were the principles of comparative and content analysis. The article defines political holograms, holographic policies, and periodizes the evolution of political hologram technologies. The results of the study show that the introduction of holographic technologies in politics is so far more widespread among political leaders than among mass civil movements and parties. The author gives an explanation of this phenomenon. It is revealed that the hologram in politics is embodied not only in limited technologies, but also acquires much more diverse practical functions. Moreover, the paper gives three scenarios for the further development of a political hologram: radical, authoritarian and deliberative. Finally, author's considerations are given regarding the risks and opportunities of political holograms for the development of communication and democracy.*

KEY WORDS: *political hologram, digitalization, populism, hologram, image, leadership, holography of politics, holographic communication*

References

Alekseev R.A. (2019) Testing Blockchain Technology in the Elections to the Moscow City Duma in 2019: Results and Application Prospects for the Federal Electoral Process. *Zhurnal politicheskikh issledovanij*, vol. 3, no 4, pp. 12–23. Available at: <https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/44073>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Aslanidis P. (2016) Is Populism an Ideology? A Refutation and a New Perspective. *Political Studies*, vol. 64, no 1, pp. 88–104. DOI: 10.1111/1467-9248.12224

Baudrillard J. (2018) *Simulacra and Simulations*, Moscow: POSTUM (in Russian).

Bodrunova S. (2010) Mediocracy or Mediademocracy? On Some Conceptual Approaches to the Interaction of Journalism and Politics in Established Democracies

racies. *CGES Working Paper Series*. WP 2010–07, Bielefeld – St. Petersburg.

Bodrunova S.S. (2012) Mediocracy: Modern Approaches to the Definition of the Term. *Vestnik of Saint Petersburg State University*, no 3, p. 203–215. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18036953_39596841.pdf, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Brown N., Gershon S.A. (2017) Body Politics. *Politics, Groups, and Identities*, vol. 5, no 1, pp. 1–3. DOI: 10.1080/21565503.2016.1276022

Denisyuk Yu.N. (1980) Holography and Its Prospects. *Zhurnal prikladnoj spektroskopii*, vol. 33, no 3, pp. 397–414 (in Russian).

Gagnon J.-P., Beausoleil E., Son K.-M., Arguelles C., Chalaye P., Johnston C.N. (2018) What Is Populism? Who Is the Populist? *Democratic Theory*, vol. 5, no 2, pp. vi–xxvi. DOI: 10.3167/dt.2018.050201

Habermas J. (2008) *Involving Another*. *Essays on Political Theory*, Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Habermas J. (2010) *The Problem of Legitimation of Late Capitalism*, Moscow: Praxis (in Russian).

Jung J. (2015) Politics of Holograms and the Human Body in William Gibson's *Neuromancer*. *The Journal of Literature and Film*, vol. 16, no 3, pp. 561–584. Available at: http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE06589954&nodeId=NODE06589954&language=ko_KR, accessed 20.05.2020.

Kaltwasser C.R., Taggart P.A., Espejo P.O., Ostiguy P. (eds.) (2017) *The Oxford Handbook of Populism*, Oxford: Oxford University Press.

Kasulis Th.P. (2002) *Intimacy or Integrity: Philosophy and Cultural Difference*, Honolulu: University of Hawaii Press.

López A.E. (2016) Invisible Participation: The Hologram Protest in Spain. *Afterimage: The Journal of Media Arts and Cultural Criticism*, vol. 43, no 4, pp. 8–11. DOI: 10.1525/aft.2016.43.4.8

Manovich L. (2017) *Theories of Soft Culture*, Nizhny Novgorod: Krasnaya las-tochka (in Russian).

Meyer T. (2001) *Mediokratie: Die Kolonisierung der Politik durch die Medien*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Shean J. (2018) A (New) Specter Haunts Europe: The Political Legibility of Spain's Hologram Protests. *Journal of Spanish Cultural Studies*, vol. 19, no 4, pp. 465–480. DOI: 10.1080/14636204.2018.1524995

Volodenkov S.V. (2014) Cybersimulacra as an Instrument of Virtualization of Modern Mass Political Communication. *Informatsionnye vojny*, no 4(32), pp. 18–21. Available at: <http://pstmprint.ru/wp-content/uploads/2016/11/INFV-4-2014-3.pdf>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Volodenkov S.V. (2018) Mass Communication and Public Consciousness in the Conditions of Modern Technological Transformations. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, vol. 2, no 3, pp. 1–8. Available at: <https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/25624>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Witt M.T., Haven-Smith L. de (2008) Conjuring the Holographic State: Scripting Security Doctrine for a (New) World of Disorder. *Administration & Society*, vol. 40, no 6, pp. 547–585. DOI: 10.1177/0095399708321682

Witt M.T., Kouzmin A. (2010) Sense Making Under “Holographic” Conditions: Framing SCAD Research. *American Behavioral Scientist*, vol. 53, no 6, pp. 921–939. DOI: 10.1177/0002764209353272

Zain A. (2019) Rise of Modi's Technopopulism in India. *Journal of Cultural Studies*, vol. 6, no 1, pp. 199–208. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Ali_Zain15/publication/334114323_RISE_OF_MODI'S_TECH-POPULISM_IN_INDIA/links/5d17abf6458515c11c02b5da/RISE-OF-MODIS-TECH-POPULISM-IN-INDIA.pdf, accessed 20.05.2020.